

А.А. Гончарова

Сергиево-Посадский гуманитарный институт

ВЛИЯНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ЯЗЫКА УЧЕНИЯ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО НА ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ МЫШЛЕНИЯ РУССКОГО НАРОДА В XIV–XV ВЕКАХ

Освещаются проблемы языка русской философии Средних веков на примере учения Сергия Радонежского. Проанализированы агиография Епифания Мудрого «Житие Сергия Радонежского» и ее редакции, составленные Пахомием Логофетом. В процессе анализа выявляется влияние языка учения Преподобного Сергия, использованного в произведениях указанных авторов, на культуру мышления народа и на формирование русского языка.

Ключевые слова: *язык, мышление, агиография, адаптация, синкретизм, восприятие, развитие.*

Традиция связывать мышление с языком уходит корнями в античные времена. Нередко язык, при помощи которого преподносится то или иное философское учение, имеет для науки не менее важное значение, чем его непосредственное содержание. С одной стороны, определенная манера изложения философского произведения конкретного времени наглядно отражает культуру мышления, которой придерживались мыслители указанного периода и которая формировалась у народа, которому идеи этого произведения передавались. С другой стороны, изучение языка философских учений в историческом разрезе позволяет отслеживать эволюцию языка конкретного народа, а через него и эволюцию его мышления.

Исходя из этого, была поставлена цель выявить особенности языка, используемого в русской философии Средних веков (на примере конкретного произведения), и определить его роль в становлении и развитии мышления людей того времени.

Объектом исследования выступил язык, на котором преподносилось учение Сергия Радонежского. Рассмотрим его влияние на мышление русского народа в XIV–XV веках, а также его значение для формирования русского языка. Для этого были обобщены результаты гносеологических и филологических научных изысканий прошлых лет по указанной теме.

Сергий Радонежский стоял у истоков русской философии. В.О. Ключевский писал, что сама возможность существования такой личности, как Преподобный Сергий, давала русскому народу надежду на то, что не все доброе погасло и замерло. Одним своим появлением, не заставляя вдаваться в какие-либо труды, он открыл людям глаза на истинное положение дел и по-

мог разглядеть свет глубоко внутри себя, окутанный внутренним мраком, но не побежденный им. Пробуждение нравственного чувства народа признавалось, как минимум, творческим актом, но чаще это трактовали не иначе, как чудо. И это неудивительно, ведь укрепление духа народа, который был прижат в то время порабощением и унынием, выступало одним из залогов построения независимого государства.

Преподобный Сергей взял на себя столь ответственную задачу, следуя внутренней миссии, которая послужила миссии внешней. Главным инструментом его был нравственный пример, который превратился в целую «школу благонравия». И религиозно-иноческое воспитание здесь не играло ведущую роль: выше этого преподобный ставил обучение усиленному труду, прививание привычки отдавать себя целиком во благо общества, пропаганду строгого порядка во всех сферах жизни – от действий до мыслей.

Стоит также отметить манеру преподнесения учения Сергия Радонежского. Хотя он и старался собрать всех в единое братство, работа проводилась с каждым в отдельности, с учетом индивидуальных особенностей каждого. Воспитательная деятельность отца Сергия не обезличивала его учеников: каждый оставался самим собой, не терял личных свойств, но при этом гармонично вписывался в единое целое. Так он «настраивал» людские души, извлекая из их глубин лучшие чувства, и перед подобным талантом «старца чудного» не мог устоять даже самый большой упрямец.

Человек, которому Сергей Радонежский помог открыть в себе этот источник света, становился носителем искры, которая никогда не угасает и в любой момент сможет вновь поднять нравственные силы. Это впечатление перерастало в веру, которая передавалась из поколения в поколение. Духовное влияние Преподобного Сергия было настолько сильно, что пережило его земное бытие и из исторического воспоминания трансформировалось в деятельный нравственный двигатель, вошедший в состав духовного наследия русского народа.

На первоначальных этапах учение Сергия Радонежского, его творчество существовало в форме впечатления, постепенно перешедшего в состояние церковной памяти. Основным вкладом Преподобного Сергия стала не теория, а нравственное возрождение, которое впоследствии породило и возрождение политическое [1]. У него был свой особый язык, доступный даже народу, с грамотой не знакомому: основные идеи без использования семантического аппарата отпечатывались в человеческом сознании.

Учение Сергия сыграло великую роль и в процессе становления Руси культурной преемницей византийских традиций. Время его деятельности совпадает с духовным подъемом в Византии, и Сергей Радонежский, возрождавший нравственные силы русского народа, представал образцом духовно-

сти и аскетизма. Монастырь Святой Троицы, основанный преподобным, тесно контактировал с монастырями Константинополя, что способствовало социокультурной адаптации, распространению исихастского движения, что вело, в свою очередь, к сплетению двух духовных потоков воедино [2].

Хотя сам Сергей Радонежский не оставил после себя никаких письменных трудов, его учения в письменной форме все же дошли до наших дней – через описания его жития. Известно, что святой Сергей учил не столько словом, сколько делом – своим образом жизни, своим отношением к земному бытию и к окружающим его людям. Поэтому передача учения Сергия Радонежского производилась в агиографическом стиле, т.е. путем описания его жизни, составления и последующего анализа биографии святого в богословском, историческом, культурном, литературном или социальном аспектах.

Первым это сделал сподвижник и ученик Сергия Радонежского Епифаний Премудрый. Он был достаточно образованным для своего времени и, будучи посвященным в религиозно-философские идеи своего наставника, смог донести их до современников с дальнейшей передачей последующим поколениям. Т.Г. Леонова отмечает, что Епифаний придерживался византийской канонической формы, не игнорируя при этом сложившуюся в России традицию представления жития святых.

В первом случае имеется в виду, что начинать повествование полагалось с предисловия, содержавшего традиционные аспекты принижения значимости автора и возвышения главного героя; далее следовала основная часть, непосредственно биография, которая изобиловала идеями стремления к вере, упоминаниями о тяготах жизни, об их чудесном преодолении, великих делах (и все это – с явным религиозным подтекстом); завершалось произведение хвалой в адрес главного героя. Что касается русской традиции, то здесь житие святого требовалось представить в более «мирском» варианте: с добавлением исторических эпизодов, бытовых деталей, не избегая и психологических зарисовок. Епифаний Премудрый сумел соблюсти все перечисленные условия [3].

Остановимся подробнее на стиле Епифания. Его замедленный ритм повествования является семантическим отражением основной идеи исихазма (базы православного аскетизма) – спокойствия и тишины. Исихасты предпочитали умно-сердечные молитвы (творение их в уме), сочетаемые с внутренним контролем своих помыслов. Согласно их воззрениям именно таким способом можно было подготовиться к созерцанию божественной энергии, а вместе с ней и самого Бога. Открыто на значимость тишины агиограф никогда не указывает, но используемые им художественные приемы являют его безмолвное настроение, ассоциируемое с «непрестанной молитвой». Это

настроение было характерно для всего православного Востока того периода и в некотором роде перекликается с медитативными практиками [4].

Следующим транслятором идей Сергия Радонежского выступил Пахомий Логофет, который стал автором нескольких редакций произведения Епифания Премудрого «Житие Сергия Радонежского». Эти редакции сохранились в виде рукописей, подробно изучались и подвергались критике. Согласно исследованиям Ю.В. Митиной произведение Епифания представлялось чересчур вычурным, и Пахомий значительно упростил его изложение, приспособив к нуждам литературы своего времени. Кроме того, Логофет добавил в «Житие Сергия Радонежского» дополнительные сведения о чудесах, которые сопутствовали жизни святого.

Филологи по сей день спорят, каков процент авторства Епифания Премудрого, а каков – Пахомия Логофета в дошедшем до наших дней житии. Осложняет проблему авторства тот факт, что Пахомий переписывал произведение несколько раз, при этом стиль Епифания, который был довольно специфичным, в «Житие Сергия Радонежского» потерян не был. Поэтому в некоторых источниках авторство приписывают Епифанию Премудрому, а в некоторых упоминаются оба агиографа [5].

Е.И. Безматерных приходит к выводу, что лексические разночтения, имевшие место в редакциях «Жития Сергия Радонежского» с его первоначальным изложением Епифанием Премудрым, стали не только поводом для споров относительно истинности представленных событий, методом адаптации повествования для современной Пахомию Логофету литературы, но и историческим свидетельством перехода от древнерусского языка к средне-русскому.

Средневековому этапу развития был присущ синкретизм, т.е. соединение в одной форме нескольких соотносимых значений. Позже начала актуализироваться семантическая автономность слов, и это ознаменовало выход русского языка на новый этап развития, в частности, сформировалось понятие синонима, дошедшее до наших дней. Параллельно с этим изменялось и восприятие читателей: от слитых синкретических образов, основанных на непосредственных ощущениях, произошел переход к восприятию, базирующемуся на представлениях [6].

Рассмотрим несколько примеров. Говоря о жизни родителей Сергия Радонежского (или в то время – отрока Варфоломея), Епифаний Премудрый употребляет конструкцию «поживши в черньчествѣ», Пахомий Логофет же выбирает формулировку «пожившее в великом въздръжании». Даже носителям современного русского языка покажется, что второй вариант более понятный. По сути своей он является уточнением первого, входит в состав его

смыслового значения. Здесь мы видим вышеупомянутое упрощение изложения, в котором также просматривается и историческая трансформация языка.

«Поживши в чернчествѣ» означает «вести монашеский образ жизни», но и для обозначения понятия монашества агиографы использовали разные формы. Так, в оригинале «Жития Сергия Радонежского» использовано понятие «мнишеский чинъ», что в большей степени указывает на приобретение нового социального статуса. В первой редакции Пахомия Логофета монашество обозначается как «иноческий образъ», что акцентирует внимание на описании внутреннего желания определенным образом изменить свой образ жизни. Формулировка «иноческое житие», употребленная в третьей редакции, еще больше актуализирует внутренние помыслы над внешним действием.

Данный пример показывает, как менялось мышление читателей, т.е. происходил переход от восприятия смысла от конкретных образов к представлениям. Также мы видим, как формировались синонимы: пусть компоненты и менялись, но контекст оставался прежним.

Стоит обратить внимание и на то, как возросла важность конкретизации понятий с переходом от древнерусского языка к среднерусскому. Говоря о кончине, Епифаний Премудрый использует выражение «отъидоста къ Богу»; Пахомий Логофет же заменяет его на «прѣдаша душа своя Господеви» в первой редакции и на «отидоста къ Господу» – в третьей. Во всех трех случаях эти формулировки отражают православную концепцию о жизни после смерти, но Пахомий Логофет акцентирует внимание именно на переходе души в мир иной после кончины тела, т.е. подчеркивает идеалистические черты русского мировоззрения. Здесь мы снова видим актуализацию синонимов, но уже с приданием одному слову из синонимического ряда функции максимального уточнения мысли.

Вернемся к вопросу о синкретизме. В современной науке синкретическое восприятие связывается с развитием мышления человека на определенной его ступени. К примеру, маленькие дети не способны воспринимать предметы в каких-либо объективных отношениях друг с другом: они видят их в непосредственном представлении. К тому же интерес к подробному выяснению логических соответствий на данном этапе отсутствует. Но ребенок взрослеет, и мышление его становится все более аналитичным. Ему становятся доступны причинные объяснения [7].

А теперь попробуем перенести этот закон развития отдельного организма на развитие народа в целом, а именно на развитие его мышления. Переход от древнерусского языка к среднерусскому, характеризующийся отказом от синкретизма, можно назвать также переходом к новой культуре мышления людей. И.И. Срезневский отмечает, что поэтическое начало русского

языка с возобладанием в нем начала разумного не ослабло, напротив, возросла его художественность. Когда язык подчиняется законам разума, он становится определенным выражением народной мысли. Подобные преобразования оказывают значительное влияние не только на судьбу непосредственно языка, но и судьбу народа, им владеющего.

Преращения языка, как правило, происходят непрерывно и постепенно, однако бывают в истории народа особые периоды, когда это стремление к трансформации выражается сильнее и решительнее. В этом переходном состоянии языка обостряется необходимость вытеснить старое и овладеть новым. Именно памятники периода X–XIV веков помогают отследить строй древнего языка и изменения в нем. В более поздних произведениях отчетливо видно отклонение языка от своего первоначального положения [8].

Исследования русской литературы Средних веков доказали, что как раз в рассматриваемый период начался кризис церковно-книжного стиля. Ранее он поддерживался схоластическими настроениями, царившими в философии и литературе, а развивающееся книгопечатание и вовсе было тесно связано с выпуском произведений религиозного содержания. Но влияние грамматик Восточной Европы (отметим, что Пахомий Логофет был сербом) придало церковно-славянскому языку более светскую окраску.

И хотя Церковь, ориентируясь на греческую культуру, пыталась распространить свое влияние на все литературные жанры, религия в книгопечатании стала терять свою первостепенную роль. Интеграция демократической литературы и европейские течения, разделявшие светский и церковный стили, к XVII веку окончательно лишили последний лидирующей позиции в русской письменности [9].

Мы приходим к выводу, что Пахомий Логофет был одним из тех, кто привнес кардинальные перемены в русскую литературу своего времени, а следовательно, и в образ мысли народа. А изменить народную мысль стало возможным посредством изменения языкового стиля. Стоит также подчеркнуть, что трансформация языка отражает и ситуацию, сложившуюся в то время внутри государства. В частности, Церковь пыталась укрепить свои слабеющие позиции, и одним из способов достижения этого была активизация устаревающего церковно-славянского языка.

«Житие Сергия Радонежского» Епифания Премудрого, написанное в 1417–1418 годах, а к середине XV века переработанное Пахомием Логофетом, выступает свидетельством того самого языкового перелома, а следовательно, и перемен в мышлении русского народа.

Проанализировав все вышеизложенное, подведем итоги и сформулируем основные выводы.

1. Сергей Радонежский не оставил после себя теоретических учений, поэтому его философия, оказавшая сильное влияние как на моральный дух русского народа, так и на сближение русской и византийской культур, изучается по произведениям его последователей, базовым из которых является «Житие Сергия Радонежского» Епифания Премудрого.

2. В данной агиографии Епифаний Премудрый скомбинировал византийскую каноническую форму описания жития святых с исключительно русской традицией их представления, подчеркнув тем самым уникальность национального мышления, и придерживался исихастского стиля, характерного для православного Востока.

3. Редакции «Жития Сергия Радонежского» Пахомия Логофета стали адаптациями к литературным нуждам своих временных периодов, что свидетельствует о развитии русского языка. Кроме того, Пахомий был одним из тех, кто привнес в церковно-славянский язык веяния Восточной Европы (так называемое «южнославянское влияние»), что повлекло актуализацию светского стиля в литературе и соответствующего изменения народной мысли.

4. Разногласия, возникшие между оригинальным изложением жития и его редакциями, свидетельствуют о переходе от синкретизма к автономии слов. Это показывает, что русский язык эволюционировал от древнерусского к среднерусскому, а вместе с тем произошло и качественное изменение восприятия, присущего людям того времени. Также переход от исконного церковного литературного стиля к более демократическому и светскому отражал процессы, проходившие в то время в государстве, что также накладывало отпечаток на общественную мысль.

Список литературы

1. Ключевский В.О. Исторические портреты. Созидатели земли русской. – М.: Эксмо, 2008. – 534 с.

2. Ложкина Н. А. Роль основателя Троице-Сергиева монастыря Сергия Радонежского как духовного посредника в диалоге культур Древней Руси и Византии // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. – 2007. – № 37. – С. 107–113.

3. Леонова Т.Г. Значение «Жития Сергия Радонежского» для развития русской агиографической литературы // Вестник Омск. ун-та. – 2012. – № 2. – С. 384–387.

4. Авласович С. М. Литературный стиль Епифания Премудрого: проблемы преемственности и самобытности: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / ОмГУ им. Ф.М. Достоевского. – Омск, 2007. – 187 с.

5. Митина Ю.В. Лексика с религиозной семантикой и ее стилистические функции в житийных памятниках XV века: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / МПГУ. – М., 2007. – 238 с.

6. Безматерных Е.И. Лексические разночтения в разновременных списках «Жития Сергия Радонежского» как способ преодоления языкового канона // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. – 2009. – № 2(10). – С. 28–32.

7. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка / нов. ред. и пер. Вал. А. Лукова и Вл. А. Лукова. – СПб.: Союз, 1997. – 254 с.

8. Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка [Электронный ресурс] // Объединенное гум. изд-во Rutenia.ru изд-ва ОГИ и каф. рус. лит-ры Тартусского ун-та [Офиц. сайт]. – URL: <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/sreznevs/srezn1.htm> (дата обращения: 25.11.2013).

9. Николаева Т. М. Языковая ситуация в начальный период формирования русской нации // Ученые записки Казан. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – 2006. – № 2. – С. 119–127.

Получено 20.09.2014

A.A. Goncharova

**THE INFLUENCE OF LANGUAGE FEATURES OF SERGIUS
OF RADONEZH'S DOCTRINE ON FORMATION
OF THE RUSSIAN ETHNIC CULTURE OF THINKING
IN THE XIV–XV CENTURIES**

The article covers the language problem of Russian medieval philosophy by the example of Sergius of Radonezh's doctrine. There is the review of the hagiography "The Life of Sergii Radonezhsky" written by Epiphanius the Wise and its editions by Pachomius the Serb. The analysis reveals the influence Sergius of Radonezh's doctrine had on the nation's culture of thinking and on Russian language formation.

Keywords: language, thinking, hagiography, adaptation, syncretism, perception, development.